УДК 94(47).082-083

Е. А. Ростовцев, Д. А. Баринов

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ИМПЕРАТОРСКОГО ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1819-1917): ОПЫТ КОЛЛЕКТИВНОЙ БИОГРАФИИ[1]

РОСТОВЦЕВ Евгений Анатоьевитч – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до XX в., Институт истории СПбГУ;
Санкт-Петербургский государственный университет.
199034 Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

БАРИНОВ Дмитрий Андреевич – кандидат исторических наук, инженер-исследователь, кафедра истории России с древнейших времен до XX в., Институт истории СПбГУ;
Санкт-Петербургский государственный университет
199034 Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: barinov@spbu.ru

Статья посвящена истории физико-математического факультета Петербургского университета, являвшегося одним из наиболее крупных учебных и научных центров Российской империи. Одной из основных задач, решаемых данным исследованием – это рассмотрение структуры факультета, а также изменений, которые она претерпевала. Вторым ключевым моментом, на который мы обращаем внимание в статье – это особенности коллективного

[1]Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 23.38.328.2015 / The authors acknowledge Saint-Petersburg State University for a research grant 23.38.328.2015

портрета преподавателей университета, его сравнение с другими факультетами и университетов в целом.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ; КОЛЛЕКТИВНАЯ БИОГРАФИЯ; ВЫСШАЯ ШКОЛА; ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ; ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ; ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ; РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ.

Физико-математический факультет университета был образован на основе соответствующего факультета (отделения) Главного Педагогического института, к введению которого были отнесены следующие науки и кафедры – чистая и прикладная математика, астрономия, физика, химия, зоология, ботаника, минералогия и геодезия [0, с.112; 2].По Университетскому уставу 1835 г. его кафедры перешли в состав II Отделения философского факультета, однако затем, после реформы 1849 г., вновь образовали физико-математический факультет, который просуществовал до 1931 г., когда на его базе возникли т.н.«секторы подготовки кадров» по различным специальностям, на основе которых в свою очередь, в 1932–34 гг. был создан ряд факультетов – химический, математики и механики, физический и др. Нет сомнения в том, физико-математический факультет Петербургского университета императорского периода – одно из мест формирования ведущих российских научных школ в разных отраслях знания: математики, физики, химии, биологии, геологии, географии.

Во второй половине XIX – начале XX в. факультет стал общепризнанным науки в мировом масштабе. Достаточно, упомянуть, что на факультете в этот период работали ученые, имена которых по сей день составляют «визитную карточку» российской науки в мире: А.Н. Бекетов, П.И. Броунов, А.М. Бутлеров, А.В. Васильев, А.И. Воейков, Х.Я. Гоби, В.В. Докучаев, А.А. Иностранцев, А.О. Ковалевский, В.Л. Комаров, Э.Х. Ленц, А.А. Марков, Д.И. Менделеев, И.И. Мечников, В.И. Палладин, Ф.Ф. Петрушевский, Д.С.Рождественский, С.С. Ростовцев, В.А. Стеклов, И.М. Сеченов, В.Е. Тищенко, А.А. Ухтомский, А.Е. Фаворский, А.С. Фаминцын, О.Д. Хвольсон, П.Л. Чебышев, Л.А. Чугаев, В.Т. Шевяков, В.М. Шимкевич и другие. Как отмечалось в литературе, факультет стал центром формирования ведущих российских научных

обществ (Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, Русское физико-химическое общество, Общество землеведения и др.) [См. напр.: 3].

Неудивительно, что литература, посвященная как отдельным персоналиям, работавшим на физико-математическом факультете, так и его научным школам огромна [См.: 4]. Интересно, что в корпоративной памяти универсантов образ «золотого века» науки, в котором корифеи прошлого выступают в роли «гигантов», на плечах которых существует современный ЛГУ утверждается во второй половине 1940-50-х гг. [5–18] несмотря на тяжелую обстановку в советском обществе и университете рубежа 1940–50-х гг. (борьба с космополитизмом, политические репрессии, «Ленинградское дело», т.н. факультетские «дискуссии» и т.п.) [19–21]. Показательно, что этот образ вполне сочетался с теми представлениями о «расцвете» русской науки предреволюционных десятилетий, который утверждался в западной научной литературе, в частности в текстах известного историка-эмигранта (и ех приват-доцента Петербургского университета) Г.В. Вернадского [22–23]. Разумеется, что изучение различных сторон научной истории факультета продолжилось и в более в работах более позднего времени [24–32] и по нашим наблюдениям значительно превосходит по крайне мере с библиографической точки зрения число работ, посвященных трем другим дореволюционным факультетам [См.: 33].

Однако следует отметить, что попыток составления коллективного портрета корпорации физико-математического факультета пока в литературе не предпринималось [За период с 1884 по 1916 г. определенные данные можно почерпнуть в нашей статье: 34]. Одной из причин этой ситуации является очевидная тенденция отраслевого изучения различных отраслей научного знания и биографики в сфере точных и естественных наук, которая доминировала в историографии XX – начала XXI вв. [См., напр.: 35–38]. Между тем, просопографические исследования, связанные с анализом коллективной биографии университетских преподавателей дореволюционной России, являются одной из важных тем, находящихся в центре научных штудий современной историографии [39, 40]. Причина этого интереса понятна – формальные университетские корпорации, основной структурной единицей которых в дореволюционной России

являлись *факультеты,* были основным центром научной жизни: защиты диссертаций, оставления при университете, избрания на преподавательские и научные должности, присуждение премий, принятие решений об организации кафедр, лабораторий и научных обществ и т.п. В этом контексте для понимания путей развития науки изучение *факультетской истории* исключительно важно. Среди тем, которые находятся в сфере внимания исследователей, – численность преподавателей, образование, прохождение карьеры и социальное происхождение, этнорелигиозный состав [См., напр.: 41]. Изучение этой проблематики по отношению к академической коллегии столичного университета, игравшей особую роль не только в российской науке, но и в обществе, позволяет лучше понять жизненный мир и мотивацию преподавательской корпорации одного из крупнейших университетов Российской империи. В настоящей статье мы хотим лишь наметить некоторые черты и проблемы коллективной биографии преподавательской коллегии физико-математического факультета столичного университета. Источники составления коллективной биографии разнообразны и включают в себя как печатные справочные издания МНП [42; 43; 44] и Университета [45; 46; 47], так и архивные материалы [В корпусе архивных материалов для составления коллективной биографии особое значение, разумеется, имеют формулярные списки: [48]. Авторы отдают себе отчет в том, что некоторые приведенные ниже данные в дальнейшем будут скорректированы по мере насыщения источниковой базы исследования. Однако, на наш взгляд, наши данные вполне достаточны с точки зрения отражения общих черт и тенденций коллективной биографии.

Важными для настоящей статьи являются следующие темы: численность профессоров и младших преподавателей, развитие карьеры, образование, сословное происхождение, семейное положение, публикационная и педагогическая активность. Разумеется, для нас было важно попытаться проследить эволюцию корпорации, выявить изменение ее статистических характеристик. В этом контексте мы выделили три хронологических отрезка деятельности физико-математического факультета примерно равные по времени: 1819–1850 гг. (*первый период*); 1851–1884 гг. (*второй период*) и 1884–1917 гг. (*третий, последний*

период). Такое деление обусловлено знаковыми институциональными переменами в университетской жизни: административной реформой 1849–1850 гг. и введением нового университетского устава в 1884 г. Другое разделение связано с различным статусом преподавателей, порожденным университетскими уставами 1804, 1835, 1863 и 1884 гг., – профессоров и т.н. младших преподавателей (учителя, лекторы, адъюнкты, приват-доценты, доценты, преподаватели и т.п.). При всех отличиях университетского устройства в разное время граница между этими двумя группами носила принципиальный характер: первые входили в факультетский и университетский советы и принимали решения, связанные с различными сторонами факультетской жизни, вторые этими правами не обладали. Поэтому переход из разряда «младших» в «старшие» являлся поворотным пунктом карьеры каждого университетского ученого; дальнейшие этапы повышения статуса в университетской иерархии (например, по Уставу 1884 г. получение званий ординарного профессора, заслуженного профессора) играли значительно меньшую роль, отражаясь только на жаловании. Еще меньшее влияние на академический статус ученого оказывало продвижение по табели о рангах, поскольку оно практически никак не меняло ни его положение в корпорации, ни размер вознаграждения. Впрочем, и эта тема заслуживает определенного внимания хотя бы потому, что, как показывают современные исследования, на момент введение в действие Университетского устава 1884 г. большинство профессоров российских университетов имели чины III–V класса, т. е. занимали высокое место в чиновной иерархии империи [49, с 141–142].

Структура факультета и дифференциация наук

Несмотря на то, что факультет представлял собой единую корпорацию с общей структурой и системой принятия решений, разумеется, вопрос о дифференциации наук, изучаемых и преподаваемых на факультете, является важным. Можно сказать, что эта дифференциация проходила по двум параллельным направлениям – кафедрам (связанным с академической жизнью преподавателей) и разрядами, направлениями, группами преподавания (связанными с специализацией студентов). Если углубление кафедральной специализации являлось общим трендом для

всего университета, то тенденции, связанные с дифференциацией преподавания были различными. Например, юридический факультет в пореформенный период отказался от традиционного деления на разряды, в противоположность остальным факультетам, в том числе физико-математическому, где специализация студентов усиливалась – составляя в 1880-х –1910-х гг. в разное время от 6 до 16 направлений (см. таблица 1 [Таблицы и диаграммы сост. по: 48, 50-58]). Важно, что университетские уставы не регулировали прямо направления преподавания, эти вопросы решались в разное время на уровне МНП или университетских советов.

Таблица 1.

Отделения, разряды, направления преподавания физико-математического факультета (1819-1917)

периоды	**отделения**	**направления преподавания**
1819–1850	Физико-математический разряд, естественноиспытательский разряд	
1851–1861	Разряд математических наук, разряд естественных наук	
1863–1884	Математический разряд, естественный разряд	
1885–1917	Математический разряд	До 1904 г. – по группам наук (8) 1904–1906: математика, астрономия, физика 1906–1912: математика, астрономия, физика (подгруппы: физика, физическая география и метеорология) 1912–1917: математика, астрономия, физика
	Естественный разряд	До 1904 г. – по группам наук (8) 1904–1906: химия, зоология, физиология животных, гистология, минералогия, геология, агрономия, техническая химия, география, метеорология 1906–1912: химия (подгруппы: физикохимия, минеральная химия, органическая химия), минералогия и геология, биология, география, агрономия 1912–1917: химия, география, агрономия

В то же время напомним, что в российской университетской системе (закрепленной университетскими уставами) основной научной единицей являлся не разряд, а кафедра, которая, впрочем, сама по себе не была самостоятельной административной структурой с собственными сотрудниками. К кафедре как направлению науки относились профессора и младшие преподаватели, при этом все они избирались факультетом и понятия «заведующий кафедры» не существовало. Если до 1884 г. количество кафедр фактически соответствовало числу профессоров, то по уставу 1884 г., ликвидировавшему должности штатных доцентов, оно стало их существенно превышать. Из факультетов российских университетов наиболее заметным расхождение между численностью кафедр и профессуры было как раз на физико-математическом факультете – на 10 кафедр по уставу 1884 г. полагалось по штату целых 17 профессоров [59, стб. 1003]. При этом решение о том, какую кафедру следует заместить одним, а какую большим количеством профессоров принимал совет факультета. Расписание кафедр физико-математического факультета представлено в таблице 2.

Таблица 2.

Кафедры физико-математического факультета (1819-1917). Распределение преподавательского состава

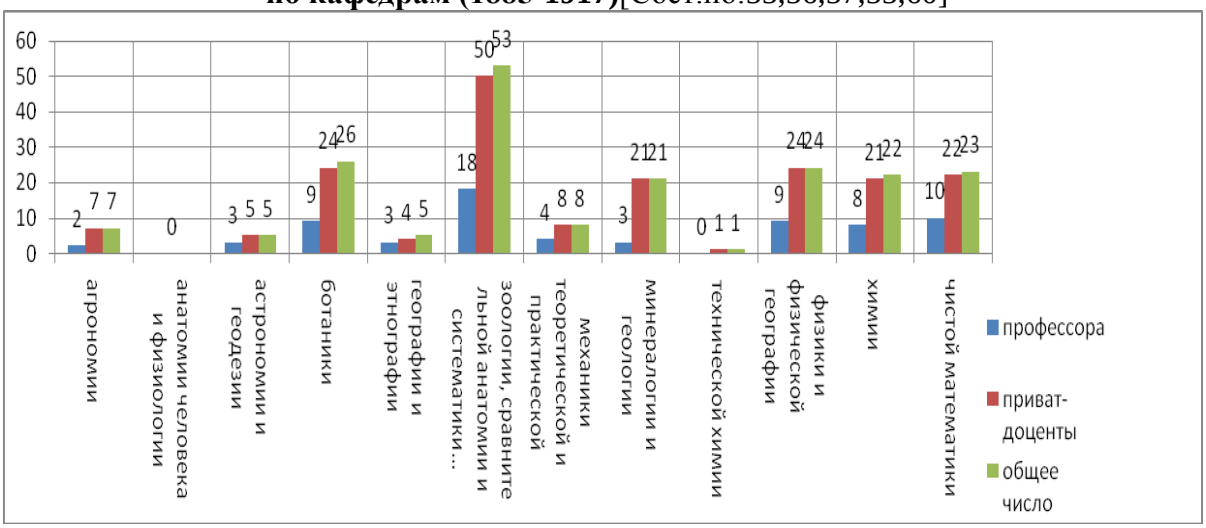
Названия кафедр	Хронологические рамки	Количество профессоров	Количество младших преподавателей	Общее число преподавателей
Ботаники	1819–1917	11	27	31
Химии	1819–1917	9	23	24
Зоологии	1819–1917	14	60	63
Географии и этнографии	1890–1917	1	6	7
Минералогии и геогнозии	1819–1884	5	8	9
Минералогии и геологии	1884–1917	3	18	20
Астрономии	1819–1863	1	4	5
Астрономии и геодезии	1863–1917	4	6	7
Агрономии	1835–1917	4	8	8
Сельского хозяйства	1859–1884	1	0	1
Механики практической и аналитической (практической и теоретической)	1863–1917	5	8	8
Технологии	1843–1846	1	0	1
Технологии и технической химии (*с 1884 г. – технической химии)*	1855–1860, 1886–1888	1	2	2
Физики и физической географии	1835–1863, 1884–1917	9	22	25

Физики		1819–1835, 1863–1884	6	13	14
Математики	Всего	15	33	35	35
	Чистой и прикладной математики	3	7	8	8
	Прикладной математики	2	1	2	2
	Чистой математики	11	27	28	28
Гражданской архитектуры и строительного искусства		1842–1843, 1851–1853[2]	1	1	2

Следует иметь в виду, что до введения в действие Университетского устава 1863 г. общее количество преподавателей почти целиком предопределялось штатным расписанием. С введением в 1863 г. института приват-доцентуры положение постепенно стало меняться. Однако кардинальные изменения произошли после начала действия следующего устава 1884 г., нормы которого, как отмечалось выше, предопределили перелом в кадровой ситуации в университете. Таким образом, в руках факультетов (в том числе физико-математического) оказалась возможность определять не только персональный состав, но и количество приват-доцентов по разным кафедрам (важно отметить, что от факультета зависело не только формальное разрешение преподавания, но и размер денежного вознаграждения каждого приват-доцента). Поскольку количество профессорских магистратур превышало число кафедр, закрепленных в уставе, факультеты также в определенной степени могли сами определять численность профессоров по разным кафедрам. В этом контексте для последующего периода данные о численности преподавателей отражают как приоритеты университета, так, до некоторой степени и академического заказа в науке на ученых разных специальностей. Распределение профессоров и приват-доцентов факультета по кафедрам в этот период представлено в диаграмме 1.

[2]С 1853 г. – на юридическом факультете.

Диаграмма 1.
Распределение преподавателей физико-математического факультета по кафедрам (1885-1917)[Сост.по:55,56,57,55,60]



Комментируя Диаграмму 1, следует отметить, что наиболее интенсивно развивались кафедры естественно-научного цикла: зоологии, ботаники, химии. Это положение в целом соответствовало и студенческим предпочтениям пореформенной эпохи – традиционному количественному доминированию естественников над математиками, начиная с середины 1890-х гг. [61].

Количество и качество: численность и научные регалии

Надо отметить, что физико-математический факультет делил первое место по общему количеству преподавателей с историко-филологическим факультетом: в изучаемый период на юридическом факультете трудилось 195 преподавателей, на физико-математическом факультете 251 (без учета лаборантов и ассистентов), на факультете Восточных языков 116, на историко-филологическом факультете 284 (261 без учета лекторов и преподавателей новейших языков), общее же число преподавателей с учетом «не приписанных к конкретным факультетам» (например, богословия, рисования, танцев) составило 859 человека. Таким образом, в фокусе нашего рассмотрения находится 251 человек (29,2% от общего числа). Всего из них 172 не ставших профессорами младших преподавателей (учителей, адъюнктов, доцентов, приват-доцентов) и 79 профессоров (экстраординарные, ординарные, почетные). Как же распределяются преподаватели по выделенным периодам? По нашим

подсчетам на физико-математическом факультете за период 1819–1850 гг., включая время его функционирования как II отделения философского факультета преподавало 38 человек (31,6% от преподавательского состава университета), в период с 1851 по 1884 г. – 71 человек (38, 7%), с 1885 по 1917 г. – 194 человека (37, 6%) (*Приложение. 1*). Количество профессорских магистратур было закреплено во всех университетских уставах, что же касается младших преподавателей, то начиная с устава 1863 г. их число регламентировалось лишь отчасти (применительно к физико-математическому факультету только в отношении доцентуры) и зависело от количества приват-доцентов, число которых стало резко расти в условиях действия устава 1884 г., упразднившего институт доцентуры, а также в ситуации резкого роста числа студентов факультета в 1890–1910-е гг.

Итак, рост преподавательского корпуса мог проходить только за счет заштатных и внештатных профессоров, а также приват-доцентов. Надо отметить, что в определенной мере эта тенденция проявилась уже во второй период, когда наличный состав преподавателей физико-математического факультета с 1863 г. вырос на 70,6 % (с 17 (1867 г.) до 29 человек (1884 г.)) [62, с.10]. Таким образом, к моменту введения нового устава и штатов 1884 г. физико-математический факультет состояла из 15 профессоров и 14 младших преподавателей (доцентов и приват-доцентов) [63, с.11]. При этом все доценты факультета (С.П. Глазенап, Х.Я. Гоби, А.И. Воейков) были переведены в разряд профессоров уже в январе 1885 г. [64, с.5–6], благо это позволяли новые университетские штаты. За третий период (данные с 1884 по 1916 гг.) мы можем констатировать значительный рост числа преподавателей с 29 до 82 человек, т.е. почти в 2,8 раза. Все это позволяет констатировать, что с точки зрения обеспечения штатами положение принципиально изменилось: если до введения устава 1884 г. большая часть преподавательского корпуса находилась в штате, что означало относительную материальную защищенность, право на выслугу пенсии, а также участие в академическом самоуправлении, то после 1884 г. абсолютное большинство преподавателей этих гарантий и прав уже не имело. Общая численность преподавателей факультета (без лаборантов и хранителей) за период с1884 по 1916 гг. составила по примерным оценкам 189 человек.

Рост профессорско-преподавательского состава достигался, главным образом, за счет той группы младших преподавателей, которая не получала фиксированного жалования – количество приват-доцентов имело четкую тенденцию к увеличению от 48,3% (1885 г.), до 57,4% (1895 г.), 63,9% (1905 г.) и, наконец, 64,6 % (1916 г.). Такая же ситуация только еще в более яркой форме происходит и на других факультетах: на историко-филологическом процент приват-доцентов составлял 43,3% (в 1885 г.) и 68,1% (в 1905 г.), юридическом 30% и 66%, восточный (по уточненным данным) 47,8% и 64%. Надо учитывать, что количество профессоров, так же как и учебно-вспомогательного персонала, определялось штатным расписанием и имело лишь слабо заметный тренд в направлении увеличения (за счет сверхштатных должностей и увеличения числа «заслуженных профессоров»). Понятно, что в этих условиях доля профессоров, в руках которых находились основные нити управления университетом, на протяжении рассматриваемого периода, напротив, сокращалась.

Итак, мы видим, что преподавательская корпорация университета институционально оказалась разделенной на две неравные части: меньшую – профессоров и большую – «младших преподавателей», число которых постоянно росло. Между тем, рост преподавательской корпорации за счет «младших преподавателей» был обусловлен не только следствием роста числа «оставленных на факультете», но в ряде случаев и необходимостью. Дело в том, что количество студентов в начале века значительно выросло. Так, если в 1885 г. на одного профессора факультета в среднем приходилось – 64 студента, в 1896 г. (с ростом числа «заслуженных профессоров») – 47 студентов, то в 1905 г. – 89 студентов, а в 1915 г. – уже 101 студент. Аналогична тенденция по другим факультетам: историко-филологический 16 (в 1885 г.) и 20 (в 1905 г.), юридический 70 и 186, восточный 7 и 30; всего по университету 52 и 87. Несмотря на то, что по количеству студентов с середины 1880-х гг. физико-математический факультет отдал пальму первенства юристам, объективно именно на физмате. В условиях предметной системы, когда студент был обязан прослушать определенное количество часов в год, приват-доценты не только «разгружали» профессоров, но и обеспечивали

основной объем аудиторных занятий. Естественно, что в результате таких изменений постепенно увеличивалось соотношение тех членов университетской корпорации, которые имели право голоса в университетском Совете, к тем, кто его не имел, к ним, кстати, помимо преподавателей можно также отнести лаборантов и хранителей различных кабинетов, не являвшихся при этом приват-доцентами, например, в 1913 г. таковых было 39,4% от общего числа сотрудников факультета. Все это вело в Петербургском университете, как и в других университетах к определенной напряженности в отношениях между «старшими» и «младшими» членами университетских корпораций, описанной в литературе [65, 66]. Другое дело, что здесь конфликт не носил столь острого характера в силу, в частности, того обстоятельства, что в Петербурге к разряду «младших» преподавателей зачастую принадлежали уже состоявшиеся ученые, занимавшие ведущие позиции в других высших учебных заведениях и Академии наук, а также в связи с тем, что профессорский совет столичного университета при обсуждении проектов нового университетского устава в отличие от других профессорских коллегий наставал на допуске в университетский совет «младших преподавателей» [67, с.175–214].

В среднем по университету процент докторов составлял 41,4%, по историко-филологическому факультету – 35,3%, восточному 21%, юридическому – 43,1%. При этом на момент назначения на должность за период с 1851 по 1884 гг. 64% преподавателей физико-математического факультета обладали докторской степенью и 71% степенью магистра, за период с 1885 по 1917 соответственно 40% и 60%. Некоторое снижение в процентом отношении, с нашей точки зрения, можно объяснить нормами устава 1884 г., упразднявшими институт доцентуры (требовала наличия магистерской степени) и резкое расширение института приват-доцентуры (в условиях постоянного роста числа студентов), к которой допускались люди без степени. Как правило, доцентура (затем приват-доцентура) была также необходимым этапом университетской карьеры на пути к профессуре: за всю дореволюционную историю из всех профессоров только несколько профессоров получили должность профессора, минуя карьеру младшего преподавателя. На других факультетах такая практика

была более распространена на юридическом – 45,8% профессоров не работали на должности младшего преподавателя университета, на историко-филологическом – 20,3%, на восточном – 19%.

Следует отметить, что наличие докторской степени вопреки нормам уставов 1835, 1863 и 1884 на практике не было обязательным, но, однако весьма желательным условием для обретения профессорского статуса. При этом, следует подчеркнуть, что его достижение было вовсе немыслимым без магистерской степени. Что же касается приват-доцентуры – то здесь та же картина – наличие степени желательно (на момент начала приват-доцентуры за период 1885–1917 ее имели 76,3%), но не обязательно. Согласно уставу 1884 г. и на практике допуском в число приват-доцентов являлась успешная сдача магистерских экзаменов [68].

Физико-математический факультет являлся, самым представительным по научным степеням, превосходя все другие факультеты как в абсолютных цифрах, так и в процентом отношении к общей численности преподавательского состава. Это единственный факультет, в котором «доктора» составляли уверенное большинство преподавательского состава для двух последних выделенных периодов.

Из дореволюционного состава факультета до 1917 г. 46 человек стали членами и членами корреспондентами Академии наук (соответственно 28 действительных членов и 18 членов-корреспондентов). После же 1917 г. Академию пополнили многие младшие по возрасту члены университетской корпорации: общее число академиков и член-корров РАН, работавших до 1917 г. на физико-математическом факультете составило 71 человек (в том числе 46 академиков и 25 член-корров) и 9 почетных членов. Следует отметить, что это не только самое значительное представительство в Академии из преподавательского корпуса физико-математических факультетов российских университетов, а также технических высших учебных заведений, но и самое значительное представительство среди факультетов Санкт-Петербургского университета – 41,5% от общего числа университетских академиков и член-корров. Впрочем, здесь надо иметь в виду, что представители гуманитарных и социальных наук хотя и составляли порядка 70% преподавательского корпуса университета, но в Академии, формируемой по Уставу 1836 г. физико-математическое

отделение традиционно составляло приблизительно 50% действительных членов (точного распределения устав не вводил) и 47% членов-корреспондентов [69].

Факультетские рекорды и специфика факультетской карьеры

Самый старший по дате рождения в нашей выборке геолог профессор Лоренц фон (Лаврентий Иванович) Панснер (1777-1851), работавший в университете с 1819 г. и покинувший его после репрессий против профессоров, проводившихся Д.П. Руничем [70]. Самый младший по рождению также геолог Вениамин Аркадьевич Зильберминц (1887–1939), ставший приват-доцентом в 1917 г. и расстрелянный в эпоху сталинского террора [71]. Позже всех из изучаемой группы скончался будущий академик Абрам Федорович Иоффе (1880–1960) – знаменитый физик, преподававший на факультете с 1913 г. в должности приват-доцента [72].

Постепенно рос и стаж работы на факультете. Если среди деятелей первого периода мы можем назвать всего одного долгожителя, работавшего на факультете более 40 лет – А.Н. Савича (1810–1881) – с 1839 – до кончины, то для второго таких уже 13 человек, а для третьего – 17 человек. Больше полувека отдали службе на факультете А.Е. Фаворский (1860–1945), П.А. Земятченский (1856–1942), Ю.В. Сохоцкий (1842–1927), В.Е. Тищенко (1861–1941). Дольше всех в советскую эпоху из дореволюционных преподавателей факультета – с 1911 г. идо смерти работал знаменитый зоолог Валентин Александрович Догель (1882–1955), преподававший с 1911 г.(с 1909 – хранитель кабинета, с 1911 г. – приват-доцент, с 1913 – профессор). Вообще же продолжительнее всех на факультете работал легендарный физик Орест Данилович Хвольсон (1852–1934) – 58 лет – с 1876 г. до кончины, а с учетом работы на непреподавательский должностях – П.А. Замятченский – 60 лет.

Статистические подсчеты представленные в Приложении 1. Наглядно показывают, как растет возраст вступления в должность (начала работы) – для начала карьеры в младшим преподавателем – с 31 до почти 35 лет и профессором с 35 до почти 41 года. Интересно, однако, сопоставить эти данные с другими факультетами: на историко-филологическом, рост по первому показателю был действительно

значителен на 10 лет (с 27 до 37), а по второму, напротив, минимален с 38 до 41 года, на юридическом факультете подобные показатели менялись мало: первый – с 33 до 35, второй с 37 до 41, на восточном, образовавшимся только в 1855: с 34 до 33,принеизменных профессорских 38 Всего по университету возраст младших преподавателей при вступлении в должность вырос с 31 до 35, профессоров с 37 до 41. Иначе говоря, очевидно, что для начала и, в особенности, для прогресса академической карьеры на физмате требовалось все больше времени и усилий. Косвенно это обстоятельство подтверждает и постепенное увеличение среднего срока службы в должности младшего преподавателя более чем в два раза с 3,9 до 9,4 лет. Здесь важна именно тенденция, поскольку саму профессуру в ходе университетской карьеры в эпоху университетского устава 1884 г. на физмате добывали все же быстрее чем на историко-филологическом (требовалось 10 лет службы) или юридическом (9,8 лет).

Между тем, несмотря на ужесточение требований к кандидатам на университетские должности законодательство, начиная с Устава 1835 г. создавало условия для ротации профессорско-преподавательских кадров. Нормы университетских уставов 1835, 1863 и 1884 гг. делали затруднительной (а Устав 1884 г. прямо невозможной) профессорскую службу в штате университета в течение более чем 30 лет. Разумеется, профессор мог после выхода на пенсию объявлять специальные курсы, участвовать в работе факультетского и университетского советов, что собственно и делали упомянутые выше «долгожители», однако все они вынуждены были оставить штатную профессорскую ординатуру. При этом, если в Уставе 1835 г. речь шла о совокупном сроке службы в должности профессора, то в Уставе 1863 г. уже о совокупном сроке службы в должности преподавателя, а в Уставе 1884 г. в обязательный зачет уже шла вся служба по МНП, включая службу на должностях научно-вспомогательного персонала [73, с. 160, с. 212, с. 271–272]. Такая ситуация открывала дорогу талантливым ученым и давала (хотя, разумеется, не всегда) получить профессуру довольно в молодом возрасте. Если проиллюстрировать наши наблюдения на конкретных примерах, видно, что ужесточение требований к преподавательскому корпусу

показывает распределение «самых молодых» преподавателей факультета по выделенным периодам. Так самыми молодыми преподавателями физмата за всю рассматриваемую эпоху стали в 21 год П.В. Тихомиров (в 1824), Ф.В. Чижов (в 1832) и Е.И. Золотарев (в 1868), 3-6 места делят начавшие преподавание в 23 года Н.Т. Щеглов (с 1823), Д.И. Менделеев (с 1857) и И.И. Мечников (с 1868). Нетрудно заметить, что среди перечисленных ученых нет ни одного приступившего к работе в последний период, после введения в действие Университетского устава 1884 г. – в этот период наиболее молодыми преподавателями стали А.А. Марков (1886), О.Д. Хвольсон (1890) и И.А. Клейбер (1892) приступившими к преподаванию в 24 года. В целом эту картину подтверждает и динамика занятия профессорской кафедры – быстрые защиты докторских диссертаций обеспечили в 27 лет профессуру Н.А. Меншуткину (1869), в 28 лет И.Ф. Циону (1870) и в 29 лет Н.Т. Щеглову (1829), А.Н. Савичу (1839), П.Л. Чебышеву (1850) и Е.И. Золотареву (1876). После введения устава 1884 г. самыми молодыми профессорами стали в 30 лет А.А. Марков и Д.П. Коновалов (оба в 1886 г.), в 31 год профессорами стали В.М. Шимкевич (1889) и В.А. Догель (1913).

Разумеется, университетская карьера была тесно связана с обретением ученых степеней, о значении которых упоминалось выше. Напомним, что Устав 1804 г. и «Положение о производстве в ученые степени» 1819 г. подробно регламентируя порядок магистерского и докторского диспутов в российских университетах, в то же время не предполагали обязательности наличия ученых степеней при замещении кафедр и должностей преподавателей. Поэтому в первом периоде на момент начала преподавания большинство младших преподавателей ученой степени не имело вообще, и, более того, она отсутствовала и почти у половины профессоров. Положение изменил университетский устав 1835 г. реальное введение в действие которого происходит в конце 1830-х гг. Устав требовал наличия хотя бы магистерской степени для адъюнктов и докторской степени для профессоров [73, с. 159], в то же время при введении его в жизнь уже действующим преподавателям университетов предоставлялась возможность защиты сразу докторской диссертации (минуя обычную процедуру) и, таким образом, сохранения за собой

искомой должности [74]. Тем не менее, в результате в российских университетах произошло значительное обновление профессорско-преподавательского состава [75]. Как уже отмечалось в литературе, одновременно происходит значительное обновление и разработка университетских учебных программ в соответствии с современным научным уровнем [76].

В этой связи надо отметить, что сама практика защит на физико-математическом факультете началась после введения Устава 1834 г.. Первым по всей видимости магистерскую диссертацию защитил В.Ф. Чижов (1811–1877), представивший в 1836 г. в факультет работу под названием«Об общей теории равновесия, с приложением к равновесию жидкостей и определению фигуры земли», докторскую – в 1839 А.А. Воскресенский (1809-1880) («О хинной кислоте и об открытом в ней новом теле хиноиле»). В 1917 г. последними до отмены системы ученых степеней новой властью магистерскую диссертацию «Экспериментальные исследования в области химической конституции силикатов. Хлорриты» защитил В.И. Искюль (1880-1932), докторскую диссертацию «Превращение пигментов пластид» защитил В.Н. Любименко (1873–1937). Всего на факультете было в дореволюционный период было защищено 416 диссертаций (магистерских – 287; докторских – 129) [77].

В Приложении 2 дано сопоставление времени защит магистерской и докторской диссертаций в разные периоды. Из них видно, что на физмате средний возраст защиты магистерской диссертации вырос от 25 до 32 лет, докторской с 29 до 37.Для сравнения – у историков и филологов вырос соответственно с 29 до 32 и с 31 до 39, у юристов с 25 до 32, и с 28 до 39, у восточников с 26 до 30, и упал с 38 до 37(Данные приведены за 1851–1884 гг., т.к. до 1850 г. на восточном отделении работал только 1 доктор наук). Всего по университету средний возраст защитивших магистерскую диссертацию вырос с 26 до 31 года, докторскую с 29 до 38 лет. Таким образом, видно, что гуманитарные диссертации в «допозитивисткую» эпоху давались более легко, однако, во второй половине XIX в. положение изменилось – с перенесением принципов «научного знания» в сферу социальных наук математику или естественнику защититься в более раннем возрасте стало проще. При этом если время подготовки второй

диссертации на физмате было стабильным, составляя около 6 лет, то, например, на историко-филологическом факультете оно значительно выросло (от 6 до 8 с лишком лет).

Академическая мобильность и научная эффективность

Сразу отметим, что факультет никогда не являлся замкнутой кастой – в первый период его выпускники (включая выпускников его предшественника – Педагогического института) в составе преподавателей составляли очевидное меньшинство в последующую эпоху положение поменялось: во второй период таковых было 64,8%, на третьем этапе 67,5%. Среди высших учебных заведений, помимо столичного университета (всего за период 62%), которые оканчивали будущие преподаватели факультета, лидировали Московский университет (8,2%), Юрьевский университет (4,3%), Медико-хирургическая (военно-медицинская) академия (3,1%). В то же время факультет был самым замкнутым. Для равнения – наименьшим по университету на факультете восточных языков был процент собственных выпускников среди преподавательского состава – 46%, 62,7% на историко-филологическом, 54,3% на юридическом. В целом по университету процент своих выпускников составлял 58,2%.

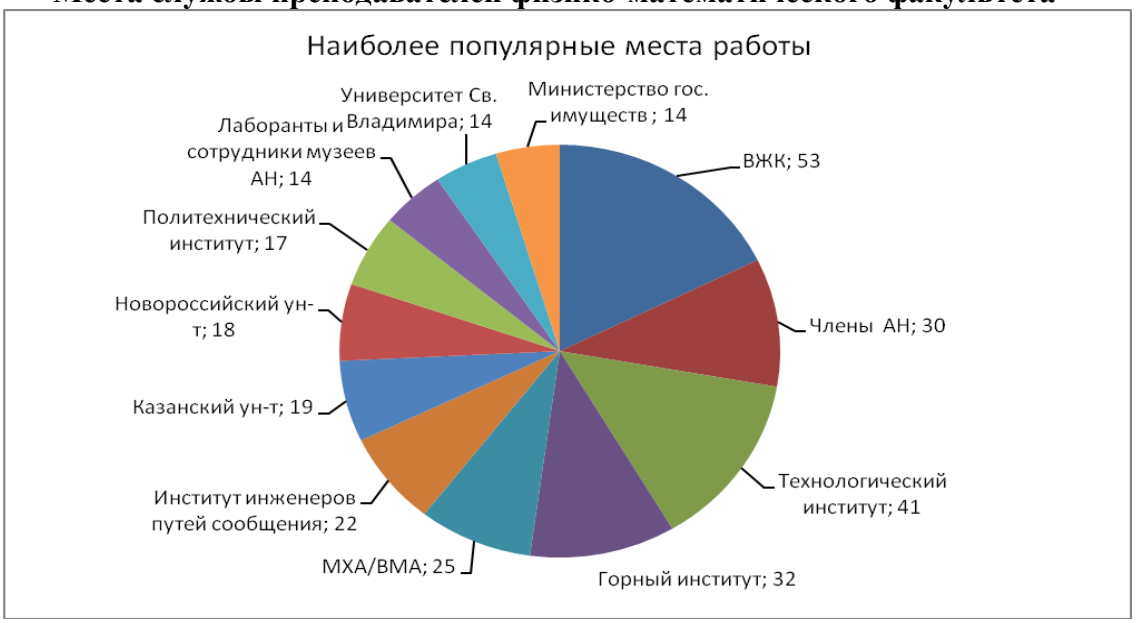
Среднее количество лет работы на физмате в университете составляло всего14,7 лет; в период с 1819 по 1850 гг. – 13,1, с 1851 по 1884 г. – 20,3, с 1885 по 1917 г. – 15,8. Для сравнения в среднем по историко-филологическому факультету преподаватели работали по 13,7 лет, юридическому – 12, 2 лет, восточных языков – 15,1 лет. В среднем по университету продолжительность работы составляла 14 лет.

Необходимо подчеркнуть и то обстоятельство, что карьера абсолютного большинства членов факультетской корпорации во все периоды была связана помимо университета с другими учебными и научными заведениями. Общие данные в этом отношении показывает диаграмма 2. Очевидные лидеры т.н. «женский университет» – Высшие женские (Бестужевские) курсы (53) и старейшее учебное заведение по профилю факультета – Технологический институт (41), из научных учреждения, разумеется, Академия (38 человек, включая научно-вспомогательный персонал академических учреждений). При этом,

разумеется, картина во времени менялась, а карьерные возможности преподавателей факультета расширялись. Если в первой половине XIX помимо Академии из мест службы, где служили по несколько членов факультета мы можем назвать только два учебных заведения (Институт инженеров путей сообщения и Горный институт), то, затем (1851-1884),география расширяется – помимо этих учебных заведений (где работало по 10 членов факультетской корпорации) это и другие российские университеты (прежде всего, Новороссийский в Одессе т св. Владимира в Киеве – где также трудилось по 10 человек) и другие учебные заведения столицы – ВЖК (16),Медико-хирургическая (военно-медицинская) академия (9 человек), Технологический институт (8) и пр. Более разнообразна, но сильно меняется картина на последнем этапе (1884-1917) – основное отличие от предшествующего в том, что помимо всех упомянутых учреждений широко представлены (не менее 9 человек) и другие университеты империи (Московский, Казанский, Юрьевский), а также открывшийся в Петербурге в 1902 г. Политехнический институт (17 человек).

Диаграмма 2.

Места службы преподавателей физико-математического факультета



Для научного мира XIX– начала XX в., разумеется, не существовало таких критериев «научной эффективности», которые приняты в современной наукометрии. Статистические изыскания в этой сфере носят в достаточной степени условный характер; в то же время по мере институционального становления университетского сообщества все

большее значение для определения статуса ученого и занятия определенной позиции в корпорации имели такие формальные атрибуты, как научная степень, публикации (монографические и в научной периодике). Данные о публикационной и преподавательской активности корпорации физико-математического факультета представлены в Приложении 3. Если поколение, пришедшее в университет в 1819–1850, в среднем имело менее 10 публикаций, то поколение 1851–84 гг. уже более 33, а последнее предреволюционное поколение – около 29 публикаций – это небольшое снижение, разумеется, связано с социальными условиями кризисного времени мировой войны и революции. Среднее количество публикаций до года смерти среди преподавателей факультета составляло 25,6 книг, до 1917 г. – 12,5, за один год до 1917 г. – 1,4. На восточном факультете соответственно 15,5, 7,9 и 0,6 издания; на историко-филологическом – 31,6, 12,4 и 1,1, юридическом – 22, 9,4 и 0,8, в университете в целом: 25,4, 10,4 и 1,1 (составлено по каталогу РНБ).

Примерно такая же картина (Приложение 3) относительно преподавательской активности. В среднем же преподаватель физико-математического факультета дореволюционной эпохи за всю свою карьеру читал порядка 4,9 разных курсов, по историко-филологическому факультету 6,7, по юридическому – 3,6, по восточному – 2,8.В целом по университету 1 преподаватель читал 5 различных курсов.

При этом, разумеется, что определенное влияние на количество читаемых курсов оказывали и институциональные перемены в устройстве корпорации и системе преподавания. В рамках последнего периода на одного преподавателя физ-мата ежегодно приходилось в среднем менее 2 курсов. При этом, несмотря на то, что общее количество курсов, читаемых на факультете росло, средняя нагрузка падала: так если в 1884/85 г. на факультете 32 преподавателями читалось 56 курсов, то в 1914/15 гг.74 преподавателями 115 курсов.Это положение, с нашей точки зрения, объяснялось тем, что система специализации студентов при всех переменах учебных планов (см. таблицу 1) существенно не менялась.

Социальные характеристики и социальная активность

Сразу следует оговориться, что данные о социальном происхождении преподавательского корпуса (см. *Приложение 4*) в настоящем обзоре не

полны и включают в себя опубликованные сведения [50] (частично дополненные данными формулярных списков профессоров и младших преподавателей за последний период [78]). Однако, как кажется, они достаточны для выявления общей тенденции. В первый период приблизительно половина преподавателей происходила из духовного сословия, которое в XVIII – начале XIX в., как известно, являлось одним из основных источников формирования кадров для образовательной системы страны. Во второй период дети духовенства по численности уступали на 8% детям дворянства; в третий период дворянство представляло почти половину студентов (46,9%), а вместе с детьми чиновников эта группа составляет 58,4% от общего числа преподавателей.

За весь период с 1819 по 1917 гг. на физико-математическом факультете работал 43,6% выходцев из дворянского сословия, 11,8% – детей чиновников и военных, 9,1% духовенства, на историко-филологическом соответственно 30,4 – 17 – 23,2, юридическом 29,5 – 15,9 – 17, восточном 12,8 – 3,5 – 9,3. Всего по университету 1819-1917 гг. картина такая: дворяне – 34,2%, сыновья чиновников и военных - 20,3%, купцы – 6,7%, интеллигенция – 6,7%, духовенство – 15,5%, мещане – 5,5%, иностранные подданные – 2%, казаки – 1,7%, ППГ – 3%, крестьяне – 4,4%. Таким образом, физико-математический факультет оказался самым «аристократическим» подразделением университета. Интересно, что эти данные вполне коррелируются с сведениями о социальном составе университетского студенчества эпохи устава 1884 г., где физмат как раз оказался наиболее привилегированным по социальному составу [79].

В целом данные позволяют говорить о том, что процесс демократизации образовательной системы, связанный с массовым наплывом в высшие учебные заведения (в том числе в Петербургский университет [80]) представителей непривилегированных сословий, не успел существенным образом сказаться на составе факультетской преподавательской корпорации. В то же время нельзя сказать, что сословная элитарность предопределяла высокий уровень благосостояния: из 40 профессоров физико-математического факультета, трудившихся в период с 1904 по 1917 г., только 7 человек владели имуществом (3 – землей и домом; 4 – только землей, 1 – дом и лавка) [Подсчитано по: 78]. Таким образом, очевидно, что для большинства источником

существования было университетское жалование. Фокусное исследование семейного положения факультетской профессуры (1904–1917), проведенное по формулярным спискам, показывает, что в браке состояли (или к этому времени овдовели) 82% профессоров, а в средней профессорской семье было по двое детей. [Подсчитано по: 78] Последний показатель, разумеется, был значительно ниже общероссийского [81]. Для сравнения на восточном 60% профессоров, и 1 ребенок на 2 семьи, на юридическом 77,5% профессоров, 2е детей на 1 семью, на историко-филологическом – 84,1% и 2е детей на семью.

Этноконфессиональный состав преподавательской корпорации факультета нуждается в дополнительных исследованиях, однако те данные, которыми мы располагаем относительно последнего периода (см. Приложение 5) показывают, что физико-математический факультет (наряду с юридическим) являлся самым «православным», и, как следствие, «русским» по составу и в этом отношении резко отличался от гуманитарных собратьев (историко-филологического и, в особенности, восточных языков).

Другой важный аспект, также, требующий дополнительного изучения – политическая и социальная активность членов корпорации. Предварительные наблюдения показывают, что в политическом отношении факультет был менее активен, чем остальные [82]. За единичными исключениями мы не найдем в его составе членов политических партий, хотя, разумеется общественно-научная активность была достаточно высока.

Так в области естественных наук наиболее известно Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, существовавшее при университете с 1868 г. Общество осуществляло деятельность по всей России имея более 400 действительных членов, в числе которых, кроме членов Физико-математического факультета, были практически все видные петербургские ученые, специалисты в области ботаники (1-е отделение), зоологии, физиологии (2-е отделение), геологии и минералогии (3-е отделение), не входящие в число формальных работников университета – это, прежде всего, преподаватели Горного, Лесного и Политехнического институтов, сотрудники Геологического комитета, других ученых учреждений города. Общество не только проводило

регулярные заседания, но и организовывало научные исследования и экспедиции, издавало собственные «Протоколы» и «Труды». Каждый том «Трудов» имел подзаголовок, отражающий профиль соответствующего отделения Общества: «Отдел Геологии», «Ботанический журнал», «Отдел зоологии». В этот период это были ведущие отечественные периодические издания в данных областях.[См.: 83, 84].

Рядом с Санкт-Петербургским обществом естествоиспытателей можно поставить Русское физико-химическое общество (при университете), которое состояло из двух отделений, Химического и Физического, каждое из которых, по существу, было автономно, объединяя соответственно лучшие научные силы города и страны в соответствующей науке [85, с. 86–100; 86, с. 137–153; 87, с. 197–200; 88, с. 190–206; 89, с. 194–207; 90, с. 194–207] Дело в том, что это Общество было создано в 1878 г. путем объединения двух уже существовавших при университете организаций: Химического общества (учреждено в 1868 г.по инициативе Д.И. Менделеева) [8] и Физического общества (учреждено в 1872 г.) [91]. Председательствовали (занимали должность президента общества) поочередно председатели двух его отделений [92, л. 32об.]; общество существовало за счет субсидий университета, Политехнического Института, Технологического института, Михайловской Артиллерийской академии, Горного института и других высших учебных заведений России. В частности, за счет этих средств Общество издавало свой печатный орган ЖРФХО (Журнал Русского физико-химического общества), который был единственным печатным органом русских физиков и химиков. Благодаря инициативе общества в декабре 1907 г. в Петербурге, в стенах университета, состоялся «Менделеевский съезд по общей и прикладной химии», который собрал более тысячи участников; в заседаниях съезда было сделано более 150 докладов. [87, с.199]. Впоследствии такие съезды стали регулярными [93, с.270].

Среди других обществ, связанных с факультетом укажем на Общество землеведения при С.-Петербургском университете (организовано в 1902 г.), которое имело сельскохозяйственную и «географическую» ориентацию [95]. Обществом (в котором было более 70 членов) руководил профессор географии П.И. Броунов (при секретарях Н.Н Зверинцеве и Г.Г. Шенберге). Общество проводило по несколько заседаний в год и также

издавало свои труды. Доклады, сделанные его членами, были связаны, главным образом, с изложением результатов личных географических экспедиций, проблем преподавания в географии в средней школе. Членами Общества были люди различных профессий – картографы, географы, этнографы, агрономы [85, с. 100–101; 86, с. 157; 87, с. 204–205; 88, с. 211–212; 89, с. 221–222; 90, с. 233–234; 96, с. 133–135; 97, с. 5–7; 98, с. 268–269; 99, с. 254–255]. Хотя такой пестрый состав, возможно, и снижал «академический» уровень занятий Общества, он делал его удобным для организации экскурсий для широкой публики. Так, Обществом была организована экскурсия для участников Летних преподавательских курсов при Санкт-Петербургском университете (которые собирали учителей средней школы со всей России) [87, 204]. К числу естественно-научных университетских обществ можно отнести и Русское антропологическое общество при С.-Петербургском университете (РАОПУ), основанном в 1888 г. Общество ставило целью «изучение человеческих рас вообще и преимущественно населяющих или населявших Россию в антрологическом, т.е. биологическом, этнографическом и археологическом отношениях», а также собирание коллекций, распространение антропологических знаний [100, с. 1; 101, с. 106]. Деятельность Общества заключалась, главным образом, в чтении докладов по разным отраслям антропологии (в которую, в понимании того времени, включались, все же главным образом, физиологические и антропоморфные аспекты жизнедеятельности человека), докладывались результаты антропометрических исследований проводимых в разных регионах страны [85, с. 101–102; 86, с. 157–158; 90, с. 129–131; 98, с. 264–267; 99, с. 252–254].

Университетские профессора и «младшие преподаватели» играли ключевую роль (а зачастую и возглавляли) многочисленные академические и «полуакадемические» организации столицы. Например, профессор Х.Я. Гоби являлся вице-президентом Императорского Российского общества садоводства; профессор А.А. Иванов – председателем Русского Астрономического общества.

Среди общественных просветительских заведений особое значение имело С.-Петербургское общество народных университетов (первоначально Всероссийское) [102, 340–341; 87, с.133; 88, с.152–153]. Секретарем Совета Общества являлся известный зоолог, приват-доцент

университета П.Ю. Шмидт. Настоящий лекционный центр развернулся с 1906 г. в т. н. Соляном городке. Так называлось место, расположенное на левом берегу Фонтанки, напротив Летнего сада. Там, на месте бывших соляных складов (отсюда и название) находились два известных культурных учреждения столицы – Центральное училище технического рисования барона А.Л. Штиглица (ныне «Мухинское училище») и Сельскохозяйственный музей; в начале XX в. в этих учреждениях развернулась активная просветительская деятельность [87, с. 154]. Среди профессоров и приват-доцентов, регулярно читавших публичные лекции с той или иной благотворительной целью, можно отметить астронома А.А. Иванова [87, с. 167], ботаников В.И. Палладина и С.В. Кравкова [87, с. 168], и многих других. Постоянной была вахта петербургских профессоров (В.И. Палладин, А.А. Иванов и др.) в Павловске, где проводились публичные лекции для народных учителей и учительниц [87, с.160, 167]. В 1906 г. приват-доцент физико-математического факультета известный биолог-популяризатор А.Г. Генкель учредил «курсы по энциклопедии высшего знания» [87, с. 115].

В самом университете идея организации «общеобразовательных чтений для народа» была выдвинута «Союзом студентов» в конце октября 1905 г. Хотя это предложение нашло поддержку ректора [103, Л. 64–65], реализовать его в условиях «закрытого» в условиях революции университета не представлялось возможным. Однако в 1906 и 1907 гг. в университете были учреждены летние курсы для учителей средней школы, на которых читали лекции профессора и преподаватели факультета физик И.И. Боргман, ботаник В.Л. Комаров, зоолог В.М. Шимкевич и др. [87, с. 145, 176; 104] Согласно отчету Педагогического Общества взаимной помощи (организовывавшего эти занятия), в 1907 г. лекции слушало более 500 учителей и учительниц из 184 местечек России [105].

Университетские преподаватели и профессорский Совет считали своим долгом откликаться на самые разные социальные призывы – так, например, осуществлялась помощь университета в организации общественнозначимых конгрессов, которые постоянно проводились в столице в помещении университета. В качестве примера укажем на столь различные мероприятия, как I Всероссийский съезд по борьбе с пьянством (декабрь 1909 – январе 1910 г) [93, с. 273; 106, с. 142], Пироговский съезд

врачей (1910 г.) [107, с. 23], I Всероссийский съезд преподавателей физики, химии и космографии (1912) [93, с. 277] и т.п.

Примером корпоративной благотворительности в образовательной сфере является финансирование за счет университета низших учебных заведений, которые подали под его покровительство. Так с 1871 г. за счет пожертвований университетской корпорации содержалось Мариинское женское училище в селе Молвитине Буйского уезда Костромской губернии [108, 93, с. 7–8], информация о деятельности которого регулярно печатались в отчетах университета. Другой подобный пример – деятельность школы для детей служителей университета. Университетский совет в 1899 г. принял решение о создании«в возможно скорейшем времени начальной школы в память столетия рождения А.С. Пушкина для детей служителей университета, академии наук и историко-филологического института» [109, с. 25–28]. Школу планировалось открыть осенью 1899 г., однако в финансовых трудностей дело было отложено и, хотя финансирование устройства школы началось в 1900 г. [110, 111] ее открытие задержалось до 1906 г. [86, с. 54]. Школа располагалась непосредственно в университетском комплексе (в здании JeudePaume) и была объектом постоянных забот Правления университета: в 1908 г. число занимаемых ей помещений было существенно расширено в связи с ростом числа учащихся [88, с. 79–80]. Особо широким было участие преподавателей университета наряду с другими представителями петербургской интеллигенции в различных «обществах вспомоществования» учебным заведениям. Само собой разумеется, что большинство профессоров и многие приват-доценты считали своей обязанностью состоять в «Обществе вспомоществования студентам университета» (учрежденном еще в 1873 г.), которым с 1912 г. руководил бывший министр Народного Просвещения городской глава, граф И.И. Толстой [112; 113, с. 9–14].Однако очень многие преподаватели состояли и в других аналогичных обществах.Относительно физмата уместно указать, например, на «Общество вспомоществования студентам Петроградского политехнического Института» членами которого были математик А.А. Адамов, химик С.И. Курбатов, физик А.Ф. Иоффе и др. [114].

Возможно с тем обстоятельством, что физико-математический факультет был менее других политизирован в начале XX в., связано и то, что он меньше пострадал во время революционных потрясений 1917 г. и

последующей советизации, которая кардинальным образом изменила облик преподавательской корпорации. Действительно, уже к 1922 г. в Петроградском университете оставалось работать 45% от состава 1917 г. На юридическом – 29,6%, на физико-математическом – 67,6%, на историко-филологическом – 43,9%, на восточном – 29% [115, с. 598; 116, с. 22]. Схожа и картина и относительно данных по эмиграции преподавателей Петроградского / Ленинградского университета. Наименьший процент покинувших страну был среди сотрудников физико-математического факультета – 5,6% (для сравнения: юристы – 37,5%, историко-филологический факультет – 25,7%, факультет восточных языков – 22,5%) [117].

* * *

Приведенные данные позволяют сделать несколько общих предположений касательно коллективного портрета физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета дореволюционного времени.

Прежде всего, обращает на себя внимание парадоксальное обстоятельство: факультет с самой дифференцированной специализацией по разным отраслям знания и лидирующий по направлениям подготовки студентов занимал в количественном отношении относительно скромные позиции в университетской корпорации. Деля первое место с историко-филологическим факультетом по численности преподавательского корпуса, факультет, тем не менее, более чем в два раза уступал по этому показателю гуманитариям в целом. Между тем, факультет оказался самым представительным с точки зрения «вклада в науку» по формальным показателям, отраженным как в признании современниками (ученые степени и академические регалии), так и потомками (лидирующее число работ в библиографии, посвященной истории университета). В какой-то мере мы можем говорить о том, что физмат представлял собой своеобразную «корпорацию в корпорации» с собственными правилами и стандартами академической жизни.

Приведенные выше данные позволяют указать на несколько факторов, обеспечивших научное лидерство факультетской корпорации в долгосрочной перспективе. Прежде всего, это постоянная интенсификация научных исследований, отразившейся в стабильном росте публикационной

активности и динамике защиты диссертаций. Этому не могло не способствовать усиливающая конкуренция за профессуру в университете, что в свою очередь было обусловлено как характером законодательства, так и постоянным ростом числа «младших преподавателей». Нельзя не обратить внимание и на расширяющиеся карьерные и профессиональные возможности, которые открывал Санкт-Петербург перед учеными естественнонаучного и научно-технического профиля. Процесс постепенной «аристократизации» факультета также, несомненно, указывает на рост социального престижа работы на факультете.

Между тем, влияние ученых физматана общественно-политическую жизнь было весьма ограниченным, связанным, главным образом, с общественно-научными, просветительскими и благотворительными проектами. Это обстоятельство позволило факультету с меньшими потерями, чем гуманитариям пережить революционные потрясения и советизацию рубеже 1910–20-х гг. Действительно наиболее титулованный в академическом смысле физико-математический факультет практически не был затронут эмиграционным движением, что имело двоякие последствия для корпорации и науки. Нет сомнений в том, что фактическое отсутствие «утечки мозгов» создало хорошие перспективы для сохранения и развития научных школ в советское время в области естественных и точных наук, с другой стороны, остается неясным, способствовал ли выбор «остаться» успеху собственно научного творчества за «железным занавесом».

Разумеется, настоящая статья – лишь первый шаг к разработке коллективного портрета университетских ученых в сфере естественно-научного и точного знания. Среди важных направлений дальнейшей работы – расширение хронологического горизонта исследований на советский период, углубленный анализ данных по разным отраслям знания, сравнение коллективного портрета сотрудников университета с данными по другим высшим учебным заведениям и научным учреждениям, наконец, сравнение ученого сословия с другими профессиональными и социальными группами.

Приложение 1. Физико-математический факультет Санкт-Петербургского (Петроградского) университета в 1819-1917 гг. Профессора и младшие преподаватели: численность, время начала работы, динамика служебной карьеры

		1819–1850			**1851–1884**			**1885–1917**			**1819–1917**		
		Младшие преподаватели	Профессора	**Всего преподавателей**	Младшие преподаватели	Профессора	**Всего преподавателей**	Младшие преподаватели	Профессора	**Всего преподавателей**	Младшие преподаватели	Профессора	**Всего преподавателей**
Общее количество		34 (34[1])	14 (14[2])	**38[38[3]]**	63 (56)	47 (27)	**71[61]**	186 (150)	55 (38)	**192[153]**	240	79 (+14[4])	**251**
Возраст вступления в должность		31,3	35,1	**-**	31,5	38,3	**-**	34,8	40,9	**-**	33,1	38,6	**-**
Сроки работы		5,7	21,9	**13,1**	8	21,5	**20,3**	8,6	25,7	**15,8**	8	23,6	**14,7**
От преподавателя до профессора				**3,9**			**8,5**			**9,4**			**8,3**
Образование	СПб. Ун-т/ ГПИ до 1819	9	5	**11**	47	30	**46**	132	38	**131**	156	43	**156**
	Другое	15	7	**16**	13	16	**22**	49	15	**57**	68	31	**79**
	Нет данных	10	2	**11**	3	1	**3**	6	3	**6**	16	5	**16**

[1] В скобках указано количество тех, кто был назначен в данный период младшим преподавателем
[2] В скобках указано количество тех, кто был назначен профессорами в этот период
[3] В квадратных скобках указано количество человек, начавших работать в данный период
[4] Те что работали в 1819-1917 гг. и стали профессорами после 1917 г.

Приложение 2. **Физико-математический факультет Санкт-Петербургского (Петроградского) университета в 1819-1917 гг. Остепененность профессорско-преподавательского состава**

		1819–1850		1851–1884		1885–1917		1819–1917	
		Магистер.	Доктор.	Магистер.	Доктор.	Магистер.	Доктор.	Магистер.	Доктор.
Всего		5	10	55	63	164	115	188	140
Место защиты магистерской	СПб Ун.-т / ГПИ до 1819	1	3	45	45	122	68	147	87
	Другое	3	7	11	18	32	47	40	52
	Нет данных	1	1	0	0	0	0	1	1
Возраст защиты		24,9	28,6	29,1	32,8	32	36,7	31,6	35,4
От магистерской к докторской			5,6		5		6,2		5,9

Приложение 3. **Физико-математический факультет Санкт-Петербургского (Петроградского) университета в 1819-1917 гг. Публикационная и педагогическая активность**

Период	Среднее количество публикаций до года смерти	Среднее количество публикаций в годы преподавания до 1917 г.	Среднее количество публикаций за один год преподавания на 1 человек до 1917	Среднее количество наименований курсов за все годы преподавания до 1917	Среднее количество новых курсов за 1 год преподавания до 1917
1819-1850	9,1	4,6	3	3,1	0,3
1851-1884	33	20,4	1,1	6,7	0,3
1885-1917	29,1	14,3	1,3	5,1	0,3
Всего	**25,6**	**12,5**	**1,4**	**4,9**	**0,3**

Приложение 4. Физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, 1819–1917, социальное/сословное происхождение (в процентах)[1]

	1819–1850[2]	**1851–1884[3]**	**1885–1916[4]**	**Итого**
Дворяне	33,3	41,3	46,9	43,6
Духовенство	41,7	11	6,2	9,1
Дети почетных граждан	-	-	1	1,8
Дети чиновников	16,7	11	11,5	11,8
Казачество	-	-	2,1	1,8
Мещане	-	2,2	5,2	5,4
Интеллигенция[5]	-	19,2	16,7	15,5
Дети крестьян	-	6,5	5,2	4,5
Купечество	8,3	8,7	5,2	6,4

Приложение 5. Санкт-Петербургский университет. Вероисповедание профессоров и преподавателей на 1914 год (процентное соотношение)[6]

Вероисповедание	Профессора	Младшие преподаватели	Профессорско-преподавательский состав в целом
Историко-филологический факультет			
Православные	77,9	79,2	78,3
Католики	7,4	8,3	7,6
Протестанты	14,7	12,5	14,1

[1] Данные о социальном/сословном происхождении приведены так как они указаны в источниках: формулярных списках (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328–16336) или Списке профессоров и преподавателей физико-математического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. [Пг., 1916].
[2] Посчитано по 12 данным на 38 преподавателя.
[3] Посчитано по 46 данным на 71 преподавателя.
[4] Посчитано по 96 данным на 194 преподавателя.
[5] Для тех случаев, где указано — сын профессора, врача, музыканта и др.
[6] Сост. по: Отчет о состоянии и деятельности Санкт-Петербургского Императорского университета за 1913 год. СПб., 1914.

Физико-математический факультет			
Православные	90,2	86,4	89
Католики	0	13,6	4,1
Протестанты	7,8	0	5,5
Армяно-григориане	2	0	1,4
Юридический факультет			
Православные	94,6	83,6	90
Католики	0	4,3	1,7
Протестанты	2,7	13,1	6,6
Иудеи	2,7	0	1,7
Факультет восточных языков			
Православные	66,7	44,4	47,5
Католики	0	5,6	4,8
Протестанты	33,3	16,5	19
Армяно-григориане	0	5,6	4,8
Буддисты	0	5,6	4,8
Мусульмане	0	5,6	4,8
Караимы	0	5,6	4,8
Нет данных	0	11,1	9,5
В целом по университету			
Православные	61,1	83,5	84,9
Католики	6,7	4,2	5,2
Протестанты	7,8	12,7	10,7
Армяно-григориане	0	1,4	0,9
Иудеи	0	0,7	0,5
Мусульмане	0	0,7	0,5
Буддисты	0	0,7	0,5
Караимы	0	0,7	0,5
Нет данных	0	1,4	0,9

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Статья Журнала Главного управления училищ. 15 января 1820 года. // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819-1919: Материалы по истории С.-Петерб. ун-та / Собр. и изд. И.Л.Маяковский и А.С.Николаев; Под ред. проф. С.В.Рождественского. Пг.: 2-я Гос. тип., 1919.

2. Представление Рунича Министру Народного просвещения от 31 января 1826 года с отчетом о состоянии С.-Петербургского университета и учебных заведений чего округа // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819-1919: Материалы по истории С.-Петерб. ун-та / Собр. и изд. И.Л.Маяковский и А.С.Николаев; Под ред. проф. С.В.Рождественского. Пг.: 2-я Гос. тип., 1919.

3. Ростовцев Е.А. Университет столичного города (1905-1917) // Университет и город в России (начало XX века). / Под ред. Т. Маурер и А.Дмитриева. М.: РОСПЭН, 2009. С.205-370.

4. История Санкт-Петербургского университета XVIII-XXI вв. Материалы к комплексной библиографии руководитель проекта, проф. А.Ю. Дворниченко // История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве. Режим доступа: http://history.spbu.ru/userfiles/Rostovcev/Bibliogr_2012.pdf (дата обращ. 1.06.2014)

5. Жуков И.И. Очерк истории химии в С.-Петербургском – Петроградском – Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция хим. наук. Л., 1946. С.93-111;

6. Делоне Б.Н. Петербургская школа теории чисел. М.; Л. : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947;

7. Полянский Ю.И. Профессор В.А. Догель (К 40-летию научно-педагогической деятельности) // Вестник ЛГУ. 1947. №4. С. 159-162;

8. Волкова Т.Б. Русское физико-химическое общество и Петербургский-Ленинградский университет // Вестник ЛГУ. 1950. №5. Май. С.119-123;

9. Гогоберидзе Д.Б. Замечательный русский физик Э.Х. Ленц // Вестник ЛГУ. 1950. №2. Февраль. С. 3-29;

10. Догель В.А. История развития биологических наук в Ленинградском государственном университете // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция биологических наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. С.3-18;

11. Догель А.Ф. О.А.Ковалевский и Санкт-Петербургский университет // Вестник Ленинградского университета. 1951. №11. С.95-99;

12. Горшков П.М. Профессор Александр Александрович Иванов – основатель школы теоретиков-астрономов в Петербургском-Ленинградском университете // Вестник ЛГУ.1948. №9. С.111-121;

13. Кузнецов С.С. Крупный русский ученый Ф.Ю. Левинсон-Лессинг // Вестник ЛГУ. 1948.№5. С. 128-144;

14. Кузнецов С.С. Профессор Александр Александрович Иностранцев // Вестник ЛГУ. 1948. №3. С.136-148;

15. Полынов Б.Б. Роль Ленинградского университета в развитии науки о почве как отрасли естествознания // Вестник ЛГУ. 1947. №9. С. 151-162;

16. Толстопятов В.М. Александр Михайлович Бутлеров – творец теории химического строения органических соединений // Вестник ЛГУ. 1947. №10. С. 3-12;
17. Шилова Е.И. Докучаев в Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1948. №7. С.125-130;
18. Васильев Л.Л. Николай Евгеньевич Введенский (К 25-летию со дня смерти) // Вестник ЛГУ. 1947. №10. С. 92-97.
19. Агитпроп ЦК о положении в советской математической науке в связи с обвинениями в преклонении "многих математиков" перед "иностранщиной". 27.10.1948 // Сталин и космополитизм. Фонд А.Н. Яковлева. Режим доступа: http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69474 (дата обращения: 6.04.2014);
20. Гинецинская Т.А. Биофак Ленинградского университета после сессии ВАСХНИЛ // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991, С.114-125;
21. Чеснова Л.В. Ю.И. Полянский и биология в Ленинградском университете (20-60-е годы) // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991, С.212-222.
22. Vernadsky G. Rise of Science in Russia // Russian Review. 1969. Vol. 21. N. 1. P.42-52;
23. Hooson David J. M. The Development of Geography in Pre-Soviet Russia //Annals of the Association of American Geographers, Vol. 58, No. 2 (Jun., 1968), pp. 250-272
24. Смирнов А.И. Математическая физика в Петербургском-Ленинградском университете // Очерки по истории ЛГУ. Л., 1962. Вып.1. С.11-19;
25. Поляхов Н.Н. Развитие кафедры механики в Петербургском-Ленинградском университете // Очерки по истории ЛГУ. Л., 1962. Вып.1. С.25-27;
26. Полянский Ю.И. О научных зоологических школах Ленинградского университета // Очерки по истории ЛГУ. Л., 1962. Вып.1. С.29-38;
27. Макареня А.А. Химия в Петербургском-Ленинградском университете // Вестник ЛГУ. Физика, химия. 1969. № 4. Вып. 1. С. 19-33;
28. Линник Ю.В., Смирнов В. И. и др. Математика в Петербургском-Ленинградском университете. Л.: Изд-во ЛГУ. 1970;
29. Горшков П.М. Очерки по истории астрономии в Петербургском-Ленинградском университете / В.К.Вишневский, С. И. Зеленой, А. Н. Савич // Ученые записки ЛГУ. 1976. № 385. Сер. матем. наук. Вып. 32. С. 194-199;
30. Цыпленков В.П. Рождение новой науки: Развитие почвоведения в Петербургском – Петроградском – Ленинградском университете. Л., 1983;
31. Комаров И.В. Физика в Санкт-Петербургском университете в XIX в. // Очерки по истории СПбГУ. СПб., 2000. Т.8. С. 80-88;
32. Лопатухина И.Е., Поляхова Е.Н., Поляхов Н.Н., Лопатухин А.Л. Основные этапы развития петербургской школы механики в XIX столетии // Петербургские фрагменты научной картины мира. СПб.: СПбНЦ РАН, 2002. С. 47-63.
33. История Санкт-Петербургского университета XVIII-XXI вв. Материалы к комплексной библиографии. // История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве [Электронный ресурс] URL: http://museum.pu.ru/history/part1/part1.2/Biblogr_2012.pdf (дата обращ.: 05.03.2013).
34. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии

// Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы / Под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск: Издательство Томского университета, 2012. С. 35–51.

35. Волков В.А., Куликова М.В.Российская профессура XVIII – начало XX вв. Физико-математические науки. Биографический словарь. СПб.: Міръ, 2008;

36. Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII – начало XX вв. Биол. и мед.-биол. науки. Биогр. слов. СПб.: Изд-во РХГИ, 2003;

37. Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII – начало XX вв. Биографический словарь. Том. 2. Химические науки. / Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН / СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2004. С. 274; ISBN: 5-88812-150-9.

38. Биология в Санкт-Петербурге. 1703-2008: энциклопедический словарь / отв. ред. Э.И. Колчинский; сост.: Э.И. Колчинский, А.А Федотова. Санкт-Петербургский науч. центр РАН; Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН. СПб: Нестор-История, 2011. С.566; ISBN: 978-5-98187-643-1.

39. Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Koeln-Weimar-Wien: Böhlau, 1998;

40. Лоскутова М.В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX века: постановка проблемы и предварительные результаты исследования // Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – нач. XX в. / Отв. сост. А.Ю. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 183–221.

41. Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917. Казань: Центр инновационных технологий, 2012.

42. Список лицам, служащим по министерству народного просвещения. СПб. [Пг.], 1865–1916;

43. Отчет Министра народного просвещения за 1834–1913. СПб. [Пг.], 1835–1916;

44. Список лиц, состоящих на действительной службе по С.-Петербургского учебному округу СПб. [Пг.], 1862-1916.

45. Отчеты С.-Петербургского (Петроградского) университета за 1836–1916. СПб. [Пг.], 1839–1916;

46. Объявления публичного преподавания наук в С.-Петербургском университете. СПб., 1824–1859;

47. Обозрения преподавания наук в Санкт-Петербургском (Петроградском) университете. СПб. [Пг.], 1867–1917.

48. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 311, 1005, 1279, 13434–13475, 16328–16338; Оп. 6. Д. 393, 653, 852; Ф. 139. Оп. 1. Д. 2319, 3412, 1670, 19759, 19792, 19832 и др.

49. Сорокин А.Н. «Список лицам, служащим по министерству народного просвещения» как источник по истории профессорско-преподавательского корпуса российских университетов в конце XIX – начале XX вв. // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы / Под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск: Издательство Томского университета, 2012. С.136–144.

50. Список профессоров и преподавателей физико-математического / историко-филологического / юридического факультета / факультета восточных языков имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. [Пг., 1916]
51. Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб.: типо-лит. С.-Петерб. тюрьмы, 1901;
52. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802-1902. СПб.: М-во нар. прос., 1902;
53. Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: тип. В.Безобразова и К°, 1870;
54. С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819-1919: Материалы по истории С.-Петербургского университета / Собр. и изд. И.Л.Маяковский и А.С.Николаев. Пг.: 2-я Гос. тип., 1919;
55. Объявления публичного преподавания наук в императорском Санкт-Петербургском университете на 1825-1860 ак. г. от ректора и совета. СПб., 1824-1860;
56. Обозрения преподавания наук в С.-Петербургском университете за 1872-1884 ак. г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1871-1883. СПб., 1872-1884. №6-28;
57. Обозрения преподавания наук в Имп. С.-Петербургском [Петроградском] университете в 1867-1869, 1885-1916 гг. СПб: Пг., 1868-1916;
58. Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819-1917). СПб., 2012-2014 // Биографика СПбГУ. Режим доступа: http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html (Дата обращения: 01.02. 2015).
59. Устав Императорских Российских университетов 1884 г. // Сборник постановлений министерства народного Просвещения. СПб., 1893. Т.IX. Царствование императора Александра III. 1884 год. Стб.1003.
60. Биографика СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: http://bioslovhist.history.spbu.ru/ Дата обращения: 20.08.2015.
61. Отчеты Императорского Санкт-Петербургского (Петроградского) университета за 1894-1916 гг. СПб., [Пг.], 1895-1916.
62. Отчет о состоянии Императорского С.-Петербургского университета и деятельности его ученого сословия за 1883 год, читанный на акте 8-го февраля 1884 года. Ординарным проф. Ю.В. Сохоцким. СПб.: тип. Г.Шахт и Ко, 1884. Табл. 2.
63. Отчет по С.-Петербургскому университету за 1882 г. С приложением речи ординарного профессора В.П. Васильева. / Составлен орд. Проф. Ю.Э. Янсоном. [СПб., 1883].
64. Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 28 января 1885 г // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1885-86 академического года. СПб.,1886. №32.
65. Грибовский М.В. Феномен приват-доцентуры в российских университетах конца XIX – начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 2. С.103-108;

66. Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С. 108-133.
67. Труды совещания профессоров, образованного при министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб.: [Б.и.], 1906.
68. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819-1917) // Клио. 2013. №10. С. 36-41.
69. Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX – XX веков (Очерки истории). М.: Индрик, 2008.
70. Мигунов С.С., Жуковская Т.Н. Панснер Лоренц фон (Лаврентий Иванович) // Биографика СПбГУ URL: http: // bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/879.html Дата обращ.: 20.08.2015.
71. Сидорчук И.В., Ростовцев Е.А. Зильберминц Венеамин Аркадьевич (Аронович) // Биографика СПбГУ URL: http://bioslovhist.history.spbu.ru/ component/fabrik/details/1/1335.html Дата обращ.: 20.08.2015.
72. ЦГИА СПб Ф. 14. Оп. 1. Д. 10767. О защите Иоффе диссертации на степень магистра физики и о допущении его к чтению лекций в звании приват-доцента (май 1913 г.).
73. Общий устав императорских российских университетов 1835 г. // Уставы Московского университета. 1755–2005 / Сост. Е.И. Гена. М.: Империум Пресс, 2005.
74. Вишленкова Е., Ильина К. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С. 84-107.
75. Костина Т.В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835–1837 годах // Уроки истории — уроки историка. Сб. ст. к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская; Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 234-242.
76. Брылевская Н.И. Становление Петербургской математической школы и реформы николаевского времени // Петербургские фрагменты научной картины мира. СПб.: СПбНЦ РАН, 2002.
77. Якушев А.Н., Кузнецов А.В. История русской диссертации в исследованиях Г.Г. Кричевского // Библиотековедение. 2007. № 5. С. 80-84.
78. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328–16336.
79. Баринов Д.А. Коллективная биография студенчества Санкт-Петербургского университета 1884-1917 гг.: статистический анализ // Клио. 2013. №10. С. С. 42-49.
80. Матвеев М.И. Высшие учебные заведения царской России и состав их студентов // Студенческая молодежь России в борьбе против самодержавия. Сборник статей / Отв. ред. М.И. Матвеев. Тамбов: Б. и., 1981.
81. Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год. Пг.: К.Л. Риккер, 1916. Ч. 2. С. 14–94.

82. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Санкт-Петербургская университетская корпорация в Революции 1905-07 гг.: опыт коллективного портрета // Клио. 2015. №8. С.116-122.
83. Обзор деятельности Императорского С.-Петербургского общества естествоиспытателей за первое двадцатипятилетие его существования (1868─1893). СПб.: тип. М.М.Стасюлевича,1893.
84. Andrews J. Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917-1934. Texas A & M University Press, 2003.
85. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1906;
86. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1907;
87. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1908;
88. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1909;
89. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа,1910;
90. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1911.
91. Чугаев Л.А. Русское физико-химическое общество // Наука и ее работники. 1922. №1. С. 14–20.
92. Устав Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете // ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д. 9934.
93. История Ленинградского университета. 1819-1969. Очерки. / Отв. Ред. В.В.Мавродин. Л: Изд-во ЛГУ, 1969.
94. Санкт-Петербургский государственный университет. 275 лет. Летопись 1724-1999. СПб.: С.-Петерб. ун-т, 1999.
95. Объяснительная записка к Уставу Общества землеведения при Императорском С.-Петербургском университете // Устав Общества землеведения при Императорском С.-Петербургском университете и объяснительная записка к нему. Кронштадт: тип. газеты «Котлин», 1903.С. 12-16.
96. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1912.
97. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1913. Отдел VIII;
98. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1913 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1914;
99. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1914 г. Пг.: тип. Б.М.Вольфа, 1915.
100. Устав Русского антропологического общества при С.-Петербургском университете // Протоколы заседаний Русского антропологического общества при Императорском С.-Петербургском университете за 1888 г. изданные под

редакцией секретаря общества С.Н. Данилло. СПб.: типо-литография А.М.Вольфа, 1889. §2.

101. Тихонов И.Л. Петербургская палеоэтнологическая школа (этапы формирования) // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб.: СПбГУ, 1995. С.58-64.

102. Морозан В.В. Санкт-Петербургское общество народных университетов // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования. Отв. ред. и сост. Л.А.Булгакова. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 333-342.

103. Комитет «Союза студентов» СПб. Университета – в Совет профессоров СПБ. Университета, 24 октября 1905 г.// ЦГИА СПб., Ф.14. Оп.25 Д.36. Л.64-65.

104. Отчет о лекциях профессоров Императорского Санкт-Петербургского университета устроенных при университете С.-Петербургским педагогическим Обществом взаимной помощи // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1908. №63. С. 208–209.

105. Расписание лекций на курсах для учителей средней школы // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1908. №63. С. 209–211.

106. Протокол заседания Совета университета 23 ноября 1909 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1910. №65.

107. Протокол заседания Совета университета 15 февраля 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1911. №66.

108. Журнал заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 16 августа 1871 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1871-1872 гг. СПб.: типо-литография А.М.Вольфа, 1872. № 5. С.7-8.

109. Журнал экстренного заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 8 мая 1899 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1899 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1900. №55. С.25-28.

110. Журнал заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 24 мая 1899 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1899 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1900. №55. С.65-66;

111. Смета прихода и расхода специальных средств Императорского Санкт-Петербургского университета на 1900 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1899 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1901. №56. С.41.

112. 25 лет деятельности Общества вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета, основанного 4 ноября 1873 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1899;

113. Общество вспомоществования студентам Императорского Петроградского университета. Отчет за 1915 год. Пг.: тип. товарищества «Наш век», 1916.

114. Список членов // Отчет о состоянии и деятельности Общества вспомоществования студентам Петроградского Политехнического Института Императора Петра Великого за 1914/15 учебный год. Пг.: тип. товарищества «Наш век», 1915. С. 10–12.
115. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Столичный университет и мировая война: теория и практика «академического патриотизма» [Capital University and the World War: Theory and Practice of „Academic Patriotism"] // Былые годы. 2014. №34 (4). С.592-604.
116. Кривоноженко А.Ф. Профессорско-преподавательская корпорация Петроградского университета в 1917-1922 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 1 (138). С.21-23.
117. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Изгнанники «советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2016. № 1. С. 64-75.

ROSTOVTSEV Evgeny A. – Saint-Petersburg State University (SPSU). 199034, Mendeleevskaya linia, 5, St. Petersburg, Russia. E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru.

BARINOV Dmitry A. – Saint-Petersburg State University (SPSU). 199034, Mendeleevskaya linia, 5, St. Petersburg, Russia. E-mail: barinov@spbu.ru.

THE FACULTY OF PHYSICS AND MATH'S OF THE ST. PETERSBURG EMPEROR UNIVERSITY (1819-1917): STUDYING THE COLLECTIVE BIOGRAPHY.

This article is devoted to the history of St. Petersburg Emperor University's faculty of physics and math's, which was one of the most important centers of science and education in Russian Empire. The main problem that resolved in this research is the exploration of the faculty's structure and the changes it suffered. The second object we paid attention to is the special aspects of the faculty's collective portrait of the teacher's stuff, which were analyzed in comparison with other faculties and university in the whole.

ST. PETERSBURG UNIVERSITY; THE FACULTY OF PHYSICS AND MATH'S; COLLECTIVE BIOGRAPHY; HIGH EDUCATION; RUSSIAN EMPIRE; HIGH SCHOOL; NATURAL SCIENCES.